

НАУКА И КАТЕГОРИЯ «ЦЕННОСТЬ»

*А.В. Думчев, студент группы 17БМ40,
научный руководитель: Полещук Л.Г.,*

*Юргинский технологический институт (филиал) Национального исследовательского
Томского политехнического университета
652055, Кемеровская обл., г. Юрга, ул. Ленинградская, 26*

Быстрое развитие науки и техники, начиная с XIX века, кардинально улучшило условия жизни рядового человека. Активно расширяется общественная арена его деятельности. Однако эту ситуацию Ортега-и-Гассет определил как восстание масс, которое изменило цивилизацию и грозит разрушением ее тонкого слоя, впадением человечества в варварство [1].

Главная причина видится в том, что рациональность, воплотившаяся в науке и технике и ставшая основой благополучного существования масс, внушает полную уверенность в дальнейшем неистовом и неограниченном росте возможностей среднего человека. ««Человек-масса», потерявший прежнюю, столь привычную и не замечаемую им само собой разумеющуюся культуру, – делает вывод Г. В. Драч в своем исследовании работ Ортеги, – новой культуры, требующей постоянной рефлексии и огромной внутренней работы, не приобрел» [2, С. 45].

Что потеряно в процессе создания прикладной науки и мира техники из прежних культурных значений, обеспечивавших стабильное процветание обществу? Какая его консолидирующая характеристика в ходе научно-технической революции оказалось вне значимых интересов?

Такой онтологический фактор мы вправе искать в философских трудах античности – родине европейского рационализма. Тем более, что проблема революции сознания была тогда также весьма актуальной (в связи с необходимостью перехода античного полиса от военных добродетелей к мирным). Обращаясь к работам древних философов, Г. В. Драч находит название этому фактору – «ай-дос», то есть, стыд и порицание со стороны других. Именно они возвращают «поведение героев к норме, обеспечивая рациональную устроенность мира» [2, С. 47].

Стыд и совесть. Определяют ли они социальный выбор массового человека? Почему еще в середине XX века в безнадежной ситуации говорили с упреком: «ни стыда, ни совести», а не наоборот? Ни потому ли, что подразумевали: если нет даже совести, не говоря уж о том, что нет стыда, то дальше спрашивать не о чем. Вероятно, «чтобы человек испытал стыд, мало позорить его; нужно еще, чтобы у него была совесть, честь, которую он боится потерять, иначе и позор ничего не даст. Стыд и позор испытывает лишь тот, у кого есть совесть» [3, С. 250]. Почему апелляция к совести сегодня не просто старомодна, но и служит своего рода доказательством беспомощности оппонента? Почему совесть и стыд перестали «жечь», «грызть», «жалить»? Что выдвигается взамен в качестве ценностей стабилизирующих общество и личное состояние души?

Рассмотрим для примера рекламу, без которой немислимо существование современного человека и которая является своеобразным идеологическим кодом, выстраивающим систему общественных ценностей. Из общего блока проблемы рекламы выделяется аспект гендерной стереотипизации. Репрезентация женщины при этом осуществляется односторонне, в основном с точки зрения традиционных ролей, демонстрирует ее как легко доступный объект мужского вожделения.

Если секрет рекламного дела заключается в обращении к устоявшимся «социальным шаблонам» восприятия, то почему не учесть архетип, до сих пор хранящий здоровье и целостность нашей нации, в том числе, обеспечивающий материальное благополучие? Приведем примеры из фольклора: чтобы заполучить Марию-царевну и полцарства в придачу Иван-царевич ни одну пару железных сапог износил; терем, в котором она жила, был практически недоступен и так далее.

Предположив, что готовность стыдиться заложена генетически, легко объяснить: почему ребенок, едва научившись ходить и разбросавший игрушки, оглядывается – не видят ли его? Но, для формирования полноценного механизма действия чувства стыда, а затем и совести, нужно время. Вместе с тем, научно-технический прогресс определяет необходимость постоянного ускорения в процессе движения вперед. Удовлетворение потребности в экономии времени (это стало возможно посредством техники) становится залогом успеха человека техногенной цивилизации.

Сегодня в спешке, пренебрегая законами бытия, выбираются те технологии, которые гарантируют успех немедленно, уже сейчас. Это касается любых форм деятельности современного человека, в том числе и процесса воспитания у него социальных чувств. Стыд и совесть стоят на пути получения удовольствия от экономии времени, потому отбрасываются как архаичные, отжившие, доставляющие личности отрицательные эмоции.

В своем исследовании С. Л. Соловейчик предлагает задуматься: рядовой ли является задача провести беседу с детьми на интимную тему? С одной стороны, сообщая научные, крайне полезные сведения мы оберегаем их от опасностей. С другой, снижаем остроту стыда, и вред от беседы превосходит пользу от полученных знаний [3].

Согласиться с выводом, о том, что необходимо «...охранять стыд, как охраняют природные ценности, – вот что мы должны делать для воспитания совести. ...Мы слишком верим в силу знаний и не понимаем, что во многих случаях человека может удержать от дурных поступков именно стыд, а не знание, и что всякое знание, умаляющее стыд, вредно» [3, С. 252], – возможно это и есть искомым выход для человечества в ситуации апокалиптического выбора.

Впрочем, философия как профессиональный поставщик общих вопросов в полной мере как и педагогика понимает, что решение проблемы в области взаимодействия техники и меняющегося человека, имеет характер неотложности. Как специалист по разработке и формулированию «всеобщих основоположений и принципов» философия в не меньшей степени, озадачена феноменом совести. Действительно ли совесть является последней и решающей инстанцией при ответственности? ... Не является ли совесть скорее медиумом, голосом, взвешивающим ответственность при ее применении в качестве критерия? Не предполагает ли она уже заранее некие масштаб, ... стандарт, инстанцию?

Или этой инстанцией является морально-практический разум, который поздний Кант интересным образом отождествлял с Богом [4] – вот исторически заданные аспекты обсуждения проблемы? Причем позиция многих исследователей в этой области, в частности, Х. Ленка, весьма недвусмысленно и обстоятельно обоснована: «Ответственны ли мы в отношении человечества?...В известном смысле – несомненно; однако все это – абстрактные понятия, но не живые личностные инстанции...», которые могли бы привлечь меня непосредственно к ответственности. ...В этом случае ответственность действительно является моральной конструкцией. ...Социальный контроль ...конкретизирует ответственность, является однако уже производным по отношению к непосредственно личностной, а также общей этической ответственности. И это вполне можно было бы соотносить с идеей как с инстанцией. ...Этическая ответственность является более, чем просто эмпирическим голосом совести. ...Мы сходимся... на необъяснимом, согласно Канту, факте морального, т.е. по его терминологии, практического разума» [4, С. 94].

Приведенное положение позволяет заметить, что при обсуждении перспектив нравственного возрождения, роли философии и образования в социокультурной динамике, на вполне законном основании следует отводить особое и достойное место религии.

Более того, «религия в нынешней России – больше, чем религия» [5, С. 18]. Однако это сложившееся мнение и понимание того, что нравственные предписания православия являются надежным препятствием моральному одичанию, в которое скатывается общество, все же не являются основанием для сворачивания принципиальных дискуссий.

Например, Л. Н. Митрохин указывает: «Сущность морали предполагает, что конфронтация сущего и должного смягчается лишь добровольно – в результате появления суверенной совести. Авторитарная же церковь дополняет эти мотивы очевидным принуждением, угрожая вечным осуждением и «геенной огненной», неминуемостью наказания за отступление от своих канонических, иными словами, следует утилитарно-корыстными корпоративными интересам» [5, С. 23]. Тем не менее, вне сомнения остается то, что этическая проблематика является общим полем заинтересованных обсуждений, а формирование внутреннего морального сознания, совести – вопросами первого плана также и у церковных авторов.

Итак, каким бы уникальным не был культурно-исторический опыт Европы, Запада, не меньшим потенциалом обладают азиатские страны, Россия, в частности. Исторический опыт обращения к совести, стыду, размерности как к коллективному генетическому коду гражданской добродетели, возможно и есть способ предотвращения действия разрушительных начал технологической цивилизации.

Литература.

1. Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс // Эстетика, философия, культура. – М., 1991, – С. 318.
2. Драч Г. В. Культура и разум: конвергенция или дивергенция? // Вопросы философии. – 2003. – №8. – С. 37–48.
3. Соловейчик С. Л. Педагогика для всех: Книга для будущих родителей. – М.: Дет. Лит., 1987. – 367 с.
4. Ленк Х. Размышления о современной технике / Пер. с нем. Под ред. В. С. Степина. – М.: Аспект Пресс, 1996. – 183с.
5. Митрохин Л. Н. Философия религии: новые перспективы // Вопросы философии, 2003. – №8. – С. 18–36.